

Оказалось, что после банкротства завода начальник Хуан тоже начал своё дело. Чэн Баоли внутренне вздохнула, но вслух ничего не сказала, лишь мысленно отметила, как непредсказуема жизнь. Она всё ещё была благодарна начальнику Хуану, помнила, как он помог ей с оформлением документов, когда она уходила с завода, и поддерживал её, говоря, что ей нужно попробовать себя в чём-то новом. Тогда Чэн Баоли ничего не понимала, но теперь, оглядываясь назад, она думала, что начальник, вероятно, уже тогда предвидел, что завод долго не продержится, и поэтому так её поддерживал.

В тот вечер, после ужина, Чэн Баоли и Чжэн Пин взяли подарки и отправились к старшему брату Чжэн Пина. Как раз младший брат Чжэн Пина тоже был там. Надо сказать, что семья Чжэн была очень дружной. Старший брат Чжэн Пина женился на хорошей женщине, он работал электриком в водоканале, а его жена — на мясокомбинате. Младший брат продавал оборудование в компании. Они немного поговорили, и братья Чжэн знали, что Чжэн Пин теперь разбогател и стал другим человеком, но их отношения остались такими же, как и раньше.

Дедушка Чжэн давно хотел, чтобы младший брат тоже переехал, потому что его компания по продаже оборудования тоже была на грани банкротства. Младшему брату было всего двадцать три года, он даже не нашёл себе девушку. Чжэн Пин и Чэн Баоли помнили об этом и решили поговорить с ним, но было уже поздно, поэтому они договорились встретиться на следующий день.

Вернувшись домой, Чжэн Пин и Чэн Баоли нагрели воды, чтобы умыться. Чэн Баоли, сидя с ногами в тапке, невольно вздохнула. Чжэн Пин обернулся:

— О чём ты вздыхаешь?

Чэн Баоли покачала головой:

— Я боялась, что после возвращения мы отделились от всех, особенно теперь, когда у нас есть деньги, и люди могут подумать, что мы стали другими. Но оказалось, что мы всё ещё можем так хорошо общаться.

Чжэн Пин, умывшись, сказал:

— Не думай об этом. Здесь нет никаких скрытых мотивов, мы все живём в одном дворе, мы соседи. Не надо ничего усложнять. Если у нас есть что-то хорошее, мы делимся этим, не скрываем, рассказываем другим, чем занимаемся. Если они захотят уехать, мы поможем им, чтобы все жили хорошо. Ведь мы тоже начинали с нуля, а старый Хань помог нам, даже дал деньги на покупку казначейских облигаций. Если бы не их помощь, у нас бы сейчас ничего не было.

Чэн Баоли посмотрела на него:

— Так мы тоже дадим им денег?

Чжэн Пин рассмеялся:

— Нет, я не это имел в виду. Я говорю, что нужно помогать им, делиться с ними, не скрывать, что за пределами нашего городка есть возможности. Если они захотят уехать, мы поможем им. Если мы вернёмся в рваной одежде, с грязными сумками, скрывая, что у нас есть деньги, они подумают, что за пределами городка всё плохо, и не захотят уезжать. Но если мы будем открытыми, пусть даже кто-то будет завидовать, мы поможем друзьям и соседям.

Чэн Баоли кивнула:

— Верно, верно, когда у нас были проблемы, другие помогали нам. Те, с кем мы хорошо общались, сегодня пришли, а те, с кем не очень, нам и не нужно заботиться.

Чжэн Пин добавил:

— Именно так. Если сейчас помочь другим, то, когда они добьются успеха, они тоже помогут нам.

Эту мудрость ему когда-то передал Хань Чжицзюнь.

А в это время, в центре провинции, через реку, Чжэн Хайян внезапно проснулся. Он почувствовал, что его нога мокрая, как будто простыня промокла.

Он включил свет, потрогал мокрое место и почувствовал лёгкий запах мочи. Оказалось, что малыш Хань И пописал в кровать!

Чжэн Хайян толкнул ребёнка, пытаясь разбудить его, чтобы позвать Чэнь Линлин поменять простыню и матрас, но Хань И повернулся, его большие чёрные глаза широко открылись, и он совсем не выглядел сонным, скорее, как будто он вообще не спал.

Ребёнок посмотрел на Чжэн Хайяна, его губы сжались, и он опустил взгляд, словно понимал, что сделал что-то не так. Чжэн Хайян наконец понял, что малыш знал, что пописал, проснулся посреди ночи, но боялся сказать и просто лежал под одеялом, мучаясь от стыда.

Чжэн Хайян не смог сдержать улыбку, вытащил ребёнка из мокрого одеяла, завернул в чистое и пошёл звать Чэнь Линлин. Чэнь Линлин помыла малыша, сменила ему штанишки, а затем меняла простыню и матрас. Она сказала:

— Как же он пописал! Сколько же он воды выпил перед сном?

Хань И, словно понимая, что речь идёт о нём, покраснел, опустил голову и сжал ножки, как будто чувствовал себя очень виноватым.

После того как всё было перестелено, Чэнь Линлин немного успокоила ребёнка и вернулась спать. В кроватке Хань И свернулся в клубок и прижался к Чжэн Хайяну. Тот обнял его, зевнул и, закрывая глаза, подумал, что у этого малыша довольно тонкая натура, раз он стесняется даже из-за такого пустяка, как мокрая постель.

На следующее утро Чэн Баоли и Чжэн Пин взяли необходимые документы и пошли оформлять прописку. Всё прошло гладко, и вскоре всё было готово. По дороге домой Чэн Баоли была в отличном настроении. Они купили дом, почти оформили прописку, и скоро, после поездки в Пекин, они станут пекинцами! Какой престиж, какая гордость!

Чэн Баоли не упомянула о возвращении в родительский дом и даже не собиралась туда ехать. Она помнила, что её мать и Чэн Баоя сделали два года назад, и это чувство обиды всё ещё жило в ней. Пусть говорят, что она бессердечная или холодная, она не хотела возвращаться. Она никому не говорила о своих чувствах, даже Чэнь Линлин. Она решила, что лучше не поднимать эту тему, оформить документы, увидеть нужных людей и вернуться в центр провинции. Пусть она будет трусливой черепахой, но она предпочла бы быть ею, чем возвращаться в родительский дом.

Да! Она была трусливой черепахой, и она предпочла бы остаться ею, чем вернуться в родительский дом!!

Но хотя она не поднимала эту тему, Чжэн Пин, как зять, не мог этого сделать. Перед возвращением он заметил, что Чэн Баоли ничего не купила для своей семьи, и специально купил подарки. Он знал, что она это заметила, но они оба молчали, словно между ними существовала негласная договорённость.

Теперь, когда все дела были завершены, Чжэн Пин на обратном пути сказал:

— Давай зайдём к твоей маме, ведь мы не были там два года.

Эти два года они действительно не поддерживали никакой связи. Чэн Баоли не общалась с семьёй, и её родные тоже не интересовались её жизнью.

Чэн Баоли, которая до этого улыбалась, сразу нахмурилась, но ничего не сказала, лишь кивнула, соглашаясь.

Они вернулись, взяли подарки и отправились к родителям Чэн Баоли. Но, придя туда, они были шокированы: старый дом в переулке был тем же, но внутри жили совершенно незнакомые люди!

Пожилая женщина с ребёнком на руках сидела на стуле в комнате на первом этаже, а две незнакомые женщины болтали на кровати на втором этаже. Увидев Чэн Баоли и Чжэн Пина, они уставились на них, все были в недоумении.

Пожилая женщина с ребёнком спросила:

— Кого вы ищете?

Чэн Баоли удивлённо посмотрела на них:

— Разве это не дом Чжоу Хэншаня?

Чжоу Хэншань был её отчимом.

Пожилая женщина сказала:

— А, те люди? Они переехали. Это теперь наш дом.

Чэн Баоли и Чжэн Пин были в шоке. Переехали? Они действительно переехали?

Чэн Баоли спросила:

— Куда они переехали? Вы знаете?

Пожилая женщина пожала плечами:

— Не знаю, говорят, уехали в другую провинцию с их старшей дочерью.

Другая провинция? Чэн Баоли задумалась. Может, в Шаньдун? Ведь муж Чэн Баоли был оттуда.

Молодая женщина добавила:

— Кажется, у них тут не было родственников, но их сын остался, он работает на винном заводе. Недавно я видела его жену на рынке.

Пожилая женщина подтвердила:

— Да, да, его жена недавно родила, может, поэтому они не уехали.

Чэн Баоли и Чжэн Пин вышли из дома с подарками, оба были в недоумении. Они не могли поверить, что за два года их отсутствия дом родителей Чэн Баоли был продан, а семья переехала.

Чэн Баоли не могла сразу принять эту новость, но Чжэн Пин оставался спокойным. Он сказал:

— Пойдём к твоему брату, раз он ещё здесь.

<http://bllate.org/book/16484/1498055>